

СНОВА ЗАГАДЫВАТЬ СЧАСТЬЕ

«Снова загадывать счастье вроде бы даже грешно», — обронила она в одном из недавних стихотворений. И пояснила: «Все самое главное со мной — и Родина, и дети, и стихи».

АЛЬБОМ

Ольга Александровна Фокина считает себя человеком необщительным, утверждая: «При встрече с любым собеседником должна установиться особая атмосфера доверия, на которую порой нужно время — не день и не два». И все-таки в ее доме в Вологде постоянно люди: приходят молодые поэты со своими стихами, приезжают односельчане, заглядывают журналисты. Однажды появилась молодая женщина-режиссер, решившая, что поэтесса непременно должна верить в бога.

— Верую лишь в красоту родной земли и в людей, на ней живущих, — возразила Фокина. — И знаете, нет на земле места прекраснее, чем моя Артемьевская. Скромная деревушка, затерявшаяся в архангельских просторах... А мне кажется, живи я там постоянно, и стихов писать не надо: ведь многие строки — тоска по малой родине, ее лесам, заливному лугам. А зимы в Артемьевской! Такого в городе не увидишь: снег от мороза сиреневый, а окна медово светятся в темноте длинной ночи...

Страдаю по нашим далям — ни одного лета не прошло, чтобы там не гостила. Да и не в гости — домой езжу.

Мы смотрим семейный альбом. Мелькают фотографии деревенской улицы, избушки с медовыми окнами. Особнячком, на почетном месте, фотография отца.

— В 1943-м, когда погиб папа, младшему из нас минуло несколько месяцев, — рассказывает Ольга Александровна. — Я и трое братьев еще помнили отцовскую ласку, а младший даже лица не знал.

ГОРДАЯ МОЯ МАМА

Когда началась Великая Отечественная война, Ольге не было и четырех. Померкли первые впечатления раннего детства — добрая улыбка отца, светлые праздники труда, когда по весне снимались тяжелые ставни, в дом впусклось солнце, а далеко за околицей до позднего вечера слышались протяжные русские песни. У северной деревушки появились иные заботы: пропали с ее улиц мужчины, прибавилось бабам мужской работы, а вскоре начали приходиться и первые похороны. Жизнь стала скупее, строже.

— Теперь мама редко баловала вниманием — некогда было. Работала конюхом в колхозе, да еще по дому: ведь одной, без мужа, пятерых пришлось поднимать. С детских лет самый первый образ — мамин. Самое сильное желание сделать ей приятное...

Ольга Фокина перебирает фотографии:

— А вот и мама.

С портрета смотрят спокойные, чуть усталые глаза много пережившего человека, завещавшего своим детям огромное духовное богатство, внушившего им главную заповедь: сила — в красоте родной земли, в неустанном труде. Много лет спустя дочь, создавшая не

один десяток стихотворений, посвященных матери, и считающая, что долг перед отчим домом никогда не возместить сполна, напишет:
*Гордая моя мама!
Горькая твоя доля
Голову носить ниже
Так и не научила.*

САМОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Фокина часто приходит в краеведческий музей, где представлен уголок старой деревни, долго стоит перед привезенной откуда-то из глубинки избой, так похожей на ее первый дом на земле.

— Детство для меня — отправная точка всех удач, — любит повторять она. — Сейчас, пожалуй, трудно говорить о трудовом воспитании городских детей. В деревне этот вопрос решался иначе. Мало того, что всей семьей работали в колхозе. Мальчишкам, вернувшимся из школы, предстояло наколоть дров и принести к печке. В мои обязанности входило обиходить кур, прибрать в доме. Мама, придя с работы и накормив семейство, говорила о своих дневных заботах, а если не очень уставала и была в настроении, то и сказку рассказывала.

Читать научились рано, еще дошколятами. Старший брат приносил из избы-читальни Пушкина, Некрасова, Жуля Верна. Мир большой литературы переплетался в сознании с маминими сказками, рождались первые стихи.

— Малолеткой я ходила одна по лесным опушкам, собирала ягоды-грибы. Подрастая, устремлялась дальше в лес. Заготавливаешь продукты для семьи и напеваешь песни, слышанные дома, а то и на деревенских сборах, которые бывали у нас два раза в год — 7 ноября и 1 Мая. Замечтаешься и как-то положишь на знакомый мотив свои слова, — вспоминает Ольга Александровна.

Конечно, детство пришлось на тяжелые времена, но все-таки жизнь была полна неизъяснимой поэзии и красоты. От первого весеннего разлива до скрипучих морозов — все в ней было самое настоящее!

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Приговор Архангельского отделения Союза писателей был суров: медик получится, точно, а вот поэт — неизвестно. Пришлось, прихватив диплом с отличием, отправляться к первому месту работы.

Фельдшерский пункт лесоучастка Ягрыш. Заведующий пунктом и единственный сотрудник — семнадцатилетняя Ольга. В ее ведении — несколько населенных точек, разбросанных по архангельским просторам. Сколько километров прошагала она в те дни по труднопроходимым лесным дорогам! Доводилось не только лечить ушибы и простуды, но и везти больного в стационар, раздобыв телегу и лошадь. Зимой это еще полбеды, а вот весной, в ледоход, — сплошное мучение. И, словно не утомившись от дорог, бегала в выходные за пятьдесят километров к маме.

— И все-таки стихов тогда писалась уйма! — восклицает Ольга Александровна. — И в любое время. Записывала, спеша на вызов, на обратной стороне горчичника, на справке какой-нибудь, на газетке. Когда чернил под рукой не было, писала зеленкой...

СЫР-БОР

Первое обсуждение ее стихов на семинаре в Литературном институте, куда она поступила, особой радости не принесло. Но зато поняла: за свое в литературе, как и в жизни, надо бороться. И учиться. Она училась: помимо своего, ходила на семинары Льва Ошанина, Сергея Смирнова.

Училась не только литературе, но и музыке. Эта страсть вспыхнула неожиданно. Получив деньги из дома, пошла и купила баян. Потом в зимние вечера, свободные от дежурства в институтском медпункте, которым Фокина заведовала «по совместительству», упорно разучивала мелодии. Приезжая домой на побывку, заменяла на танцах гармониста. На музыку стали ложиться и собственные стихи.

Последние годы учебы... Защищенный с отличием диплом, первый сборник «Сыр-бор», вышедший в издательстве «Молодая гвардия». Ее приняли в Союз писателей.

НА АСФАЛЬТЕ ЗАБЛУДИЛСЯ ЗАПАХ СЕНА

Осенью 1963-го она приехала в Вологду. Коренные вологжане утверждают, что это время года — лучшее в городе. Однако Ольге в те дни он не показался приветливым. Правда, первое впечатление сгладил прием вологодских писателей. Среди них поразил знатностью Николай Рубцов. Чуть позже он выступил на страницах местной газеты в роли рецензента ее стихов. «Леса, болота, плесы, снега — все эти черты и приметы так называемого «мокрого угла» (Архангельская, Вологодская области и близлежащие местности) органично и красочно вошли в стихи Ольги Фокиной. И все это стало фактом поэзии потому, что это не придумано и является не мелкой подробностью, а крупным фактом ее биографии, судьбы», — писал ровесник-поэт, определяя прописку лиры Фокиной.

В писательской семье Вологдинцы Фокину признали. А ей еще долго был непривычен город и казалось, что «на асфальте заблудился запах сена»...

МАЛЫ И БЕСПЕЧНЫ МОИ СТОРОЖА

Вологда все прочнее привязывала ее к себе. Появилась своя семья, в доме зазвучали детские голоса. Сегодня Инга и Александр почти взрослые, а тогда пришлось отложить привычные дела и заняться малышами.

— Ни разу об этом не пожалела, — говорит Ольга Александровна. — Ведь неизвестно, где человека счастье найдет, на поприще общественных достижений или в семье, детях. Полагаю, второе для женщины важнее. Укачивая в коляске сына или дочку, напевала им колыбельные на свои стихи. А когда они засыпали, записывала сложившиеся строки. Потом, когда дети подросли и можно было спокойно работать за столом, ей еще долго не хватало таких «колыбельных» минут. Когда закрылась дверь за их отцом, остались в этом городе они втроем. Тогда она и взяла на вооружение основное мамин правило: разговаривать с детьми, как с равными, и никогда не отстранять их от своих забот.

Сегодня в этом доме все делает-

Ольга ФОКИНА

* * *

Во январском во бору,
Во часу вечернем
То не чернь по серебру —
Серебро по черни!
Дрогнула веточка —
Скакнула белочка,
Поманила: — Догоняй,
В рукавичках девочка!

Цок-цок-цок!
Да скок-скок-скок! —
В кроне кучерявой
Драгоценный огонек,
Серебро — оправой.
Вот тебе на тебе:
Вдруг окрылатели:
Из короны сосняка
В ельник сакробатили!

Спелой шишкой не богат,
Стар и хмур снаружи,
Ельник лапами покат,
Снегом перегружен.
Ну, а под ельником —
Крепенький, целенький —
Что ты думаешь? — Грибок
Настоящий! Беленький!

Даже шляпа не в снегу —
Чистый, береженьый!
...А у белки на суку
Свой грибок — сушенный.

Счастлива белочка!
Счастливей — девочка:
Замороженный грибок
Принакрыла веточкой.

* * *

Не топтаны, не рваны,
Цветут цветы первые.
Не мяты, не жеваны
Цветут цветы желтые:
Ковры мать-и-мачехи;
В тепле меж крапивами
Толпой одуванчики;
Краса лягушиная
Невестится в прудике,
И к луку гусиному
С поклонами — лютики;
Венком золотехоньким
Вкруг каждой завалинки
На шейках тонехоньких
Звенят — корупаленки...
Земля моя милая,
Ты снова оттаяла

И с новою силою
Живое восславляла.
И думать-то нечего,
Живи бы да радуйся,
Лугам этим, реченьке,
Трудясь, низко кланяйся,
Безгрешному первому
Цветочку немятому!
...А мы всеми нервами
Привязаны — к атому...

* * *

И вновь — предновогодье:
Не встрять, не отменить!
Былое — на исходе,
Небыванному — быть.
...В заветную светелку —
Ждан-зван ли, не спросив,
Царь-дерево, свет-елку
С мороза занеси.
Сколь ветки ни пушисты,
Сколь хвоя ни густа,
Сколь в хвое не таись ты,
В тенек за дверью став, —
Затворница, что только
Восстала ото сна,
Сокрытого за елкой
Сумеет распознать.
Запахнута в халатик,
Без — для других — прикрас,
Она тебе заплатит
Распахнутостью глаз,
Несдержанностью всплеска
Восторженного: «Ах!»,
Вернувшейся из детства
Смешинкой на губах,
И речкой непролитой
Тех слов — наперебой! —
И радостью нескрытой
Свидания с тобой...

* * *

Ах, радуга-вьюга!
Ах, пагуба-кара:
Два соло, два друга —
Баян да гитара!
Скромны, не рисковы
Присели — да рядом!
Один на другого
Взглянули — да разом!
Один улыбнулся
Малиновым мехом,
Другой востепенулся
Невидимым эхом.
Один, неторопкий,
Пошел без оглядки
По травке без тропки,
По тропке меж травки —
Собою красуясь,
На дали обзаясь...
Ужель разминулись,
Не спелись, расстались?
Другой необидно
Чуть струны приструнил
И спрыгнул с долины
На волны, на струи.
Но струйно-хрустальный
Взволнованный трепет
Он рушить не станет,
А голосом скрепит.
И речка польется
Вольно, перекатно,
...И первый вернется
К другому — обратно,
И станет стыдливо
На краешке, сбоку
Задумчивой ивой,
Осокой высокой.
В таком обрамленьи —
Ужель не воскреснет
Из праха-забвенья
Душевная песня?
Поют... и уже их
Не сдержишь ничем!
Ах, лента на шее,
Ремень на плече!
Ах, радуга-вьюга,
Ах, пагуба-кара,
Два соло, два друга —
Баян да гитара!

ся сообща. Ребята «в курсе» того, что пишет их мама. Принимают участие в концертах выездной «мамминой» бригады, созданной самодельными композиторами, пишущими музыку на стихи Фокиной. А Ольга Александровна знает о делах ребят: что нового в школе у Александра, в музыкальном училище у Инги. Но больше всего они любят бывать всей семьей в родных краях поэтессы.

*Ко мне возвратились
счастливые годы,
И больше уже никуда не уйдут.
Две новые воли,
две юных свободы
По лугу, по лесу
со мною бегут.*

«КАРЬЕРА» ПОЭТА

Давняя это обида, а нет-нет, да припомнится. Еще в студенческие годы она подала заявление о приеме в партию. Но кто-то, меряющий других по себе, ядовито заметил: «Вы вступаете туда для карьеры?» Ответила жестко:

— Для веры. А какая карьера у поэта? Только хорошие стихи.

Признание людей родной земли... Ее полюбили не только за нежные, проникновенные строки о Родине, но и за резкие, наполненные болью стихи о проблемах северной стороны. Она говорила, как могла, о демографическом диспропорции деревни, о бесхозном использовании народных богатств. В одну из поездок запомнилось, как без особой нужды повалили вековые стволы, отнесли бульдозером к чаще: пусть гниют. Тогда вырвалось:

*Без души «преображенное»,
Как ни числите в долгу.
Дорогих примет лишенное
Место славить не могу.*

«Наша Фокина» — иначе ее, уроженку Архангельской области, сегодня на Вологодчине не называют никто. Несколькими раз Ольга Александровну избирали в городской и областной Советы народных депутатов. «Уважение к человеку дорого стоит, небрежение оборачивается утратами» — вот главный тезис депутата Фокиной. И когда на сессиях назывались гигантские цифры выполнения планов, она стремилась перевести их... к земному конкретному человеку, вопросам его жизни и быта. А если в былые времена это не удавалось, обращалась к стихам:

*И ты, мой Совет, огорожен...
Посмею спросить: от кого?*

Она рассказывала, как воевала за будущее родной Артемьевской, когда при слиянии хозяйств там решили построить межколхозную ферму на лучших пахотных землях. И сохранили просторные поля, которые будут кормить еще не одно поколение северян. Как вместе с другими вологодскими писателями, среди которых Василий Белов, Виктор Каратаев, Александр Романов, отстояла в свое время уникальный деревянный центр города...

На предприятиях и в вузах Вологды, в клубах Вытегры и Кириллова, во многих других населенных пунктах северной земли ждут встреч с поэтессой. Не только для того, чтобы послушать ее стихи, но и задать серьезные, сокровенные вопросы, потому что Ольге Александровне Фокиной верят, на нее надеются.

...А знаете, как кончаются стихи о счастье?

*Пусть не погаснет до срока
Это во мне кругом —
Небо высоко-высоко,
Поле светло-широко...
Пусть не погаснет!*

Виктория ДЕЛИМАРСКАЯ
Фото Н. БЕЛЕЦКОГО